

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПЧЕЛОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин и археографии Историко-архивного института

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6541-244X; evg-pchelov@yandex.ru

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОГО ЦАРСТВА В ТИТУЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена исследованию территориальных гербов XVI–XVII веков, которые служили обозначением земель Предуралья и Зауралья, постепенно входивших в сферу влияния Московского государства. В центре внимания – комплекс шести таких гербов: Югорского, Пермского, Вятского, Удорского, Обдорского и Кондинского. Автор ставил задачу проследить историю этих гербов и эволюцию их изображений, определив те принципы, в соответствии с которыми создавались и изменялись гербы. Комплекс территориальных гербов теснейшим образом связан с историей царского титула. Уже в середине XV века Московское княжество установило протекторат над землями Вятки и Перми, что обусловило включение этих названий в формировавшийся территориальный титул русских государей. Причиной новой редакции территориального титула (1484) стал успешный поход на Югру, а появление в титуле новых названий земель этого региона было связано с походом 1499–1500 годов. Таким образом, к 1514 году сложился тот комплекс титульных наименований, который является объектом исследования в данной работе. Первые геральдические печати этих земель известны со второй половины XVI века и зафиксированы на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х годов. Изображения на них отражали охотничий промысел, характерный для этих территорий и связанный в основном с добычей пушных зверей. Иными словами, первые геральдические изображения символизировали местные природно-хозяйственные особенности. Но уже в правление Михаила Федоровича началось постепенное дополнение старых гербов новой символикой, а в 1670-х годах некоторые гербы даже были созданы заново (часть из них под влиянием западноевропейской геральдики). В результате семантика гербов этих земель стала более сложной. В гербах была усилена христианская символика: появились крест и евангелие. Этот процесс был характерен и для других титульных гербов Московского царства. Первоначальная геральдическая визуализация местных особенностей регионов была дополнена общегосударственной религиозно-идеологической эмблематикой.

Ключевые слова: геральдика, Московское царство, титул, территории, эмблематика

Благодарности. Статья подготовлена в Российском государственном гуманитарном университете в рамках Госзадания Минобрнауки России, проект FSZG-2020-0019 (регистрационный номер AAAA-A20-120070890028-5).

Для цитирования: Пчелов Е. В. Северо-восточные земли Русского царства в титульной территориальной геральдике XVI–XVII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 101–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.662

ВВЕДЕНИЕ

В Большом государственном гербе Российской империи, который был утвержден в 1882 году, среди шести щитов с территориальными гербами в верхней части композиции один щит, согласно описанию, соединял в себе гербы «Северо-Восточных Областей Империи» [5: 58]. Он состоял из пяти гербов – Пермского, Вятского, Болгарского, Обдорского и Кондинского, из которых четыре действительно символизировали обла-

сти, расположенные к северо-востоку от основного ядра формирования Московского царства, а один герб, Болгарский, означал территории в верховьях Волги, то есть земли бывшей Волжской Болгарии (Булгарии), и к «северо-восточным» мог быть причислен лишь весьма условно. В другом объединенном гербе, «Княжеств и Областей Великороссийских», присутствовали еще два герба, относящихся к северо-восточным областям, – Югорский и Удорский. Иными сло-

вами, можно говорить о целом комплексе титульных гербов – Пермском, Вятском, Югорском, Удорском, Обдорском и Кондийском, которые означали земли Приуралья и Зауралья, вошедшие в орбиту формировавшегося Русского государства на протяжении XV – начала XVI века. Перечисленные топонимы маркировали северо-восточную часть тех территорий, на которые простирались (реально или номинально) власть московских государей в этот период, то есть еще до начала дипломатического, а затем и военного подчинения Сибирского ханства. В более раннее время некоторые из этих земель оказывались в зоне влияния Новгородского государства, но включение их в орбиту Московского великого княжества было столь значимым для его правителей, что их наименования пополняли территориальный титул московских государей. Каждый раз этому предшествовали определенные военные или политические события, а само появление новых названий в титуле объяснялось также общими, этапными изменениями в его структуре.

* * *

Самым ранним из рассматриваемого комплекса титульных обозначений по времени возникновения стало наименование «пермский». Впервые в титуле московских великих князей оно появилось в 1449 году в докончании Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV¹. В нем в титуле Василия II упоминаются четыре территориальных наименования: «московский и новгородский и ростовский и пермский». По-видимому, такой территориальный титул был обозначен в грамоте по аналогии с территориальным титулом Казимира, который также состоял из четырех наименований. Однако в последующих документах московского двора до времени правления Ивана III территориальный титул великих князей не употреблялся, а название «пермский» возникло в нем вновь только в 1484 году [1: 241]. Теперь оно занимало последнее место среди других семи титульных объектов, вслед за «югорским» и «вятским», которые впервые оказались в числе таковых. Иными словами, именно в 1484 году произошла определенная реформа территориального титула, в который вошли и наименования северо-восточных областей. Одной из причин этого, по всей видимости, было конкретное военно-политическое событие – поход на Югру московских воевод князя Федора Курбского Черного и Ивана Ивановича Салтыкова Травина, который состоялся летом 1483 года. Тогда «князей югорских воивали и в полон повели»² (впоследствии князья были отпущены на свои земли). С этого момента в ти-

туле обозначался протекторат московских правителей над Югрой. Что же касается Перми, то ее присутствие в титуле еще в 1449 году объясняется, по-видимому, тем, что Пермь, считавшаяся новгородской волостью уже с конца XIV века, попала в сферу подчинения московских князей. Так, в 1386 году Дмитрий Донской отвоевал у новгородцев свои вычегодские волости, а на рубеже 1440–1450-х годов князья как Великой Перми, так и Вычегодской стали вассалами Василия II (см. [3: 58], [10: 36–37]). Вятская же земля попала под сюзеренитет московских князей после присоединения Великого княжества Нижегородского, а владением Ивана III стала по завещанию Василия II в 1462 году, чему предшествовал успешный поход на Вятку московского войска под началом князя Ивана Юрьевича Патрикеева в 1459 году [1: 298–299]. Таким образом югорский, вятский и пермский титулы окончательно установились в составе территориальной части титула московских государей с 1484 года.

Три других рассматриваемых титульных обозначения – удорский, обдорский и кондинский – появились в титуле в 1514 году уже при Василии III. Впервые они зафиксированы в договорной грамоте великого московского князя с императором Максимилианом I от 4 августа 1514 года. При создании нового титула в Москве ориентировались на структуру титула императора (см. [8]), а интересующие нас наименования вошли во вторую часть великокняжеского территориального титула, заняв в нем заключительные места. В целом территориальный титул теперь состоял из двух частей, каждая из которых заканчивалась перечислением земель на северо-востоке великокняжеских владений: первая часть – обозначениями «и Югорский, и Пермский, и Вятцкий, и Болгарский и иных», а вторая – «и Удорский, и Обдорский, и Кондинский и иных». Это, безусловно, показывает, что новые наименования выступали как бы парой к старым. Здесь особенно любопытным представляется сочетание «Удорский и Обдорский». Удорская земля находилась в Предуралье и соседствовала с Пермской и Вятской, в то время как Обдорское и Кондинское княжества располагались в Зауралье по берегам Оби и ее притоков. Тем самым получалось, что Удорская земля во второй части территориального титула как бы соотносилась с положением Пермской в первой его части. Заслуживает внимания тот факт, что наименование «Пермский» поменялось местами с «Вятским» титулом, заняв положение в первой части титула, точно соответствующее месту «Удорского» титула во второй. Однако и само сочетание «Удорский и Обдорский» рождало определенное созвучие. Подобно-

го рода созвучные соседние наименования были и в территориальных титулах европейских монархов (в титуле императора – «Голландский и Зеландский», в титуле польско-литовских государей – «Русский и Прусский»), на которые ориентировались создатели московского титула. Однако появление в титуле Василия III наименований Обских княжеств также было связано с конкретными предшествующими военно-политическими событиями. В 1499–1500 годах состоялся большой поход в Зауралье под началом воевод князя Семена Федоровича Курбского, князя Петра Федоровича Ушатого и Василия Ивановича Бражника Заболоцкого, в результате которого было захвачено более 40 городков и взято в плен почти 60 местных князьков [11: 103]. Эта масштабная военная экспедиция и позволила включить наименования Обских княжеств в территориальный титул московских правителей. Таким образом, с 1514 года все шесть рассматриваемых территориальных объектов нашли свое место в титуле и с тех пор оставались в нем до конца истории российской монархии.

Геральдическое обозначение этих земель, как и других титульных объектов, впервые зафиксировано на Большой печати Ивана Грозного, создание которой датируется концом 1570-х годов [12: 178–180], [13], [14]. Центральные изображения с двуглавыми орлами на двух сторонах этой печати окружены печатями земель, расположенных в точном соответствии с порядком их перечисления в царском титуле, который дан в легенде. На каждой из сторон представлено по 12 территориальных эмблем, но 5 из них – это заимствования из западноевропейской геральдики, поэтому собственно к русской геральдической традиции можно отнести только 19. Из этих 19 четыре печати имеют символические изображения, носящие чисто эмблематический характер. В остальных случаях изображения на земельных печатях очень просты и представляют собой фигуры различных животных (12) или предметов вооружения (3). Эмблемы интересующих нас титульных объектов относятся как раз к этой категории, однако в ряде случаев в силу условности изображений точная идентификация животных затруднена.

На печати Югорской изображена белка – один из важных объектов охотничьего промысла лесной полосы и традиционный объект сбора дани. Сопряжение Югорской земли с распространенностью там белки известно и по другим древнерусским источникам. Так, в Ипатьевской летописи под 1114 годом говорится о том, что, по рассказам ходивших «за Югру и за Самоядь», «яко видивше сами на полунощных странах спаде туча и в той тучи спаде веверица млада акы топер-

во рожена и възрастъши и расходится по земли»³. В отличие от Югорской печати четвероногий зверь, изображенный на Пермской, не поддается точной идентификации. Длина его хвоста не позволяет соотнести его с лисицей или волком. Возможно, это россомаха, во всяком случае ясно, что и здесь на печати изображен представитель местной фауны. На печати Вятской изображен лук со стрелой, символизирующий, по-видимому, традиционный охотничий промысел местных жителей. На печатях Удорской и Обдорской также помещены хищные пушные звери, напоминающие лисиц. Поскольку впоследствии именно лисицы стали геральдическими эмблемами этих земель, то можно думать, что появились они еще на печати Ивана Грозного. Наконец, на печати Кодинской помещен олень с небольшими рогами, возможно, это и какой-то другой представитель копытных того же семейства. Эти примеры показывают, что на данных земельных печатях (как и на большинстве других) нашли отражение прежде всего местные особенности. Иными словами, первые территориальные эмблемы непосредственным образом соотносились с теми территориями, которые они символизировали. Это вполне традиционный путь для земельной геральдики, который был характерен для нее и в период Российской империи.

Следующие памятники, на которых представлены земельные титульные эмблемы (гербы), относятся уже к эпохе первых Романовых. Однако до «Титулярника» 1672 года в нашем распоряжении нет источников, в которых были бы отражены все территориальные эмблемы, поэтому об эволюции некоторых из них (а анализируемые эмблемы, напомним, относятся к завершающим частям титула) нет достоверных сведений. 1626 годом датируется первая сохранившаяся до нашего времени роспись печатей, в которых описываются изображения на некоторых из них⁴. В ней из интересующих нас печатей упоминается только Вятская – «лук да стрела, да человечесья рука», которая повторяет печать конца 1570-х годов, за исключением добавленной к луку со стрелой руки. Именно так изображена вятская эмблема и на саадачном покровце Большого наряда, сделанном, вероятно, в конце 1620-х годов, когда происходило создание целого комплекса новых регальных предметов для Михаила Федоровича. Помимо вятской печати на покровце также представлена и печать Пермская, на которой показан идущий медведь с поднятой передней лапой. Как помним, на печати Ивана Грозного Пермскую землю символизировал какой-то хищный пушной зверь с хвостом, на медведя непохожий. Но медведь на той же Большой печати служил эмблемой Тверской. На самом деле

он должен был быть эмблемой Смоленской, поскольку медведь представлял собой герб Смоленской земли в составе Ввеликого княжества Литовского, но на Большой печати произошла инверсия двух изображений – тверской и смоленской печатей из-за зеркального соотношения матрицы и оттиска [7: 172–173]. На саадачном покровце тверская печать «восстановила» свое первоначальное изображение (трон с лежащим на нем венцом («шапкой»)), а медведь, который должен был символизировать Смоленскую землю, был атрибутирован Пермской земле. С этого момента и началась история пермского геральдического медведя, который также вполне естественным образом отражал местные природные особенности этого края. Пермская и вятская печати с теми же изображениями помещены и на еще одном саадачном покровце, сделанном, по-видимому, в период царствования Алексея Михайловича⁵.

Следующим памятником, на котором изображены некоторые титульные печати, является так называемое гербовое (или «гербовное») знамя, сделанное по царскому указу от 13 октября 1665 года (работа над ним была закончена в 1666 году, а встречающаяся в историографии датировка – 1678 год – ошибочна) [4: 74–78]. В источниках, связанных с его созданием, приводятся описания этих печатей, среди которых есть печать Пермская – «медведь идущий» и Вятская – «рука человека стреляет из лука». Пермский медведь встречается среди других земельных эмблем и на двух саадаках – царевича Алексея Алексеевича 1667 года и царя Алексея Михайловича 1673 года⁶. Удивительным образом на всех этих памятниках отсутствует югорская печать, несмотря на то что в титуле это наименование следует перед пермским и вятским.

Наконец, полный состав всех территориальных эмблем (гербов) можно видеть на страницах «Царского Титулярника» – «Большой Государевой книги», работа над которой велась в Посольском приказе с конца 1671 года по конец мая 1672 года (с первого экземпляра в том же 1672 году было сделано еще две копии). В нем среди прочих гербов были представлены 33 земельных эмблемы, которые охватывали весь территориальный царский титул. Именно в «Титулярнике» эти эмблемы приобрели свой почти окончательный вид. Из интересующих нас гербов в Пермском и Вятском была усилена христианская символика – тенденция, хорошо заметная и в отношении других титульных гербов «Титулярника». Так, в Пермском гербе на спине медведя оказалось евангелие, увенчанное крестом, а в Вятском крест был добавлен в верхнюю часть щита, заняв место над луком со стрелой. Полностью новым был Югорский герб. Он представлял

собой две выходящие из облаков руки, держащие перекрещенные иксообразно копья. Таким образом, вновь композиционно получался крест. В трех гербах из заключительной части территориального титула, напротив, христианская символика не нашла никакого отражения. Гербы Удорский и Обдорский были совершенно одинаковы. И тот, и другой представляли лисиц, даже объединенных в одном картуше. Кондинский же герб изменился. Теперь на нем помещалось изображение дикого лесного человека с дубиной (сильвана), который в западноевропейской геральдике символизировал «дикие», северные территории. Здесь, возможно, сказалось влияние скандинавской, прежде всего шведской, титульной геральдики, где подобная фигура символизировала Лапландию [9]. Иными словами, к эмблематике с Большой печати Ивана Грозного восходили в чистом виде только три из рассматриваемых гербов – Вятский, Удорский и Обдорский. Очевидно, что в некоторых случаях в новых вариантах титульных гербов большое место отводилось христианской символике (прежде всего в виде креста), однако природные и географические особенности этих земель сохранились в этом комплексе изображений.

Изображения гербов из «Титулярника» оказывали влияние и на геральдические рисунки на других памятниках. Так, в 1675 году мастер Юрий Фробос сделал для Алексея Михайловича золотую тарель, богато украшенную эмалевым декором с изображением титульных гербов (см. [6: 123–124]). В этих изображениях, впрочем, объединились как бы обе геральдические традиции – и традиция «Титулярника», и предшествующая ей. На тарели отсутствует изображение Югорского герба, зато представлены Пермский, Вятский, Удорский и Обдорский. Пермский медведь лишен евангелия с крестом, а в Вятском гербе крест также отсутствует – ясно, что Фробос опирался при этом на те источники, которые были созданы еще до создания «Титулярника». Однако о знакомстве мастера с «Титулярником» говорит характерное расположение удорского и обдорского гербов: они объединены в одном щите. В обоих случаях это белые лисицы, но на полях разных цветов: удорская на зеленом, а обдорская – на красном.

По-видимому, в те же годы было создано и «Описание гербам» – древнерусский текст, в котором представлены описания земельных гербов царского титула. В целом они соответствуют рисункам «Титулярника», хотя и не во всех деталях. Югорский герб описан в нем так: «Две руки из облак держат копья накрест». Пермский: «Медведь белой, на нем Евангелие со крестом». Вятский: «Рука из облака держит лук со стрелой,

поверху крыж». Удорский и Обдорский: «Две лисицы». Кондинский: «Человек наг с палкою в травном венце» [2: 86–87]. На этом изобразительная эволюция гербов северо-восточных земель Московского государства завершилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, территории Предуралья и Зауралья начали попадать в зону влияния московских князей еще в конце XIV века. Уже в середине XV века Московское княжество установило протекторат над землями Вятки и Перми, и, хотя это подчинение во многом оставалось формальным, именно оно обусловило включение этих наименований в формировавшийся территориальный титул русских государей. Поход на Югру 1483 года вызвал к жизни новую редакцию территориального титула, а поход в Зауралье московских воевод в конце XV века открыл возможность для пополнения титула новыми территориальными названиями Зауралья в 1514 году. Геральдическое воплощение этих земель, известное со второй половины XVI века, первоначально отражало охотничий промысел на их территории, преимущественно связанный с добычей пушных зверей. Но уже в царствование Михаила Федоровича начался процесс постепенного

дополнения гербов христианской символикой, а в 1670-х годах некоторые геральдические изображения были изменены кардинально. Усиление христианской семантики этих гербов (которое заметно и в титульных гербах других территорий) привело к тому, что первоначальный принцип формирования гербов, согласно которому они должны были отражать местные, прежде всего природно-хозяйственные, особенности земель, оказался менее выраженным, уступив место иным символическим коннотациям. Идея христианского характера Московского царства была последовательно проведена в корректировке гербовых эмблем, в том числе и земель с изначально нехристианским населением. Кроме того, комплекс титульных гербов испытал влияние и западноевропейской геральдической традиции, откуда были заимствованы не только принципы структурного построения титульных эмблем, но и сами некоторые эти эмблемы (сильван в Кондинском гербе). В результате символический характер визуализации местных природных особенностей северо-восточных территорий Московского царства стал семантически более насыщенным и отражал уже не только (и не столько) местную специфику, но и общие идейно-религиозные ориентиры государственной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 53. С. 160.
- ² Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л., 1982. С. 49. Ср. с. 95.
- ³ Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 277.
- ⁴ РГАДА. Ф. 136. Д. 1. Л. 3.
- ⁵ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Кн. III. М., 1885. С. 340–341.
- ⁶ Там же. С. 327–328, 330–331.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. 462 с.
2. Белоброва О. А. О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // Гербовед. № 85. М., 2005. С. 81–88.
3. Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. 504 с.
4. Голованова М. П. Знамена второй половины XVI–XX века. Т. 1. Знамена второй половины XVI – начала XVIII века: Каталог собрания ГИКМЗ «Московский Кремль». М., 2019. 351 с.
5. Лукомский В. К., Типольт Н. А. Русская геральдика. М., 1996. 97 с.
6. Мартынова М. В. Московская эмаль XV–XVII веков: Каталог. М., 2002. 304 с.
7. Пчелов Е. В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV – XVII вв. М., 2011. 204 с.
8. Пчелов Е. В. К истории территориального титула русских государей середины XV – середины XVI в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 81–90.
9. Пчелов Е. В. Скандинавская геральдика в территориальной символике России XVI–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания: Материалы XXI Междунар. науч. конф. М., 2009. С. 300–303.
10. Семёнов О. В. К вопросу о времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 34–45.
11. Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. 256 с.
12. Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 16–376.
13. Lind J. Ivan IV's Great State Seal and his use of some heraldic symbols during the Livonian War // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 33. München, 1985. P. 481–494.

14. Stöckl G. Testament und Siegel Ivans IV. Westdeutscher Verlag Opladen, 1972. 87 s.

Поступила в редакцию 24.05.2021; принята к публикации 26.07.2021

Original article

Evgeniy V. Pchelov, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian
Federation)

ORCID 0000-0002-6541-244X; evg-pchelov@yandex.ru

NORTHEASTERN LANDS OF THE RUSSIAN TSARDOM IN TERRITORIAL TITULAR HERALDRY OF THE XVI–XVII CENTURIES

Abstract. The article presents the study of the territorial coats of arms of the XVI and the XVII centuries used to identify the lands in the Pre-Urals and Trans-Urals that gradually entered the sphere of influence of the Moscow state. The author focuses on the complex of six such coats of arms – for Yugra, Perm, Vyatka, Udoria, Obdoria and Kondia territories. The author aims to trace the history of these coats of arms and the evolution of their images, as well as identify the principles according to which these coats of arms were formed and changed. The complex of territorial coats of arms is closely connected with the history of the Tsar's title. As early as in the middle of the XV century, the Moscow Principality established a protectorate over the lands of Vyatka and Perm, after which their names were added to the territorial title of the Russian sovereigns that was being formed. The reason for a new version of the territorial title (1484) was the successful march on Yugra, and new names of the lands of this region were included into the title after the campaign of 1499–1500. Thus by 1514, the complex of titular names that served as the object of this research was formed. The first heraldic seals of these lands are known from the second half of the XVI century and are depicted on the Great Seal of Ivan the Terrible dating back to the late 1570s. The images on them were connected with hunting, which was a traditional occupation for these territories where people mainly hunted for fur animals. In other words, the first heraldic images symbolized local natural and economic characteristics. However, during the reign of Mikhail Fyodorovich new symbols were gradually added to the old coats of arms, and in the 1670s some totally new coats of arms were created (some of them were influenced by western European heraldry). As a result, the semantics of the coats of arms of these lands became more complicated. Christian symbolism was strengthened, and such Christian symbols as the cross and the Gospel appeared on several coats of arms. This process also affected other titular coats of arms of the Moscow Tsardom. Initial heraldic visualization of regional characteristics was supplemented with national religious and ideological emblems.

Keywords: heraldry, Moscow Tsardom, title, territories, emblem studies

Acknowledgements. The article was written at the Russian State University for the Humanities as part of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project FSZG-2020-0019 (registration number AAAA-A20-120070890028-5).

For citation: Pchelov, E. V. Northeastern lands of the Russian Tsardom in territorial titular heraldry of the XVI–XVII centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):101–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.662

REFERENCES

1. Agoston, M. Grand Ducal Seal of 1497. The history of the formation of Russian state symbols. Moscow, 2005. 462 p. (In Russ.)
2. Belobrova, O. A. Old Russian Description of Coats of Arms of the late XVII century. *Gerboved*. Moscow, 2005;85:81–88. (In Russ.)
3. Vershinin, E. V. Russian colonization of north-western Siberia in the late XVI and the XVII centuries. Yekaterinburg, 2018. 504 p. (In Russ.)
4. Golovanova, M. P. Banners of the period from the second half of the XVI to the XX century. Vol. 1. Banners of the period from the second half of the XVI to the early XVIII century. Moscow, 2019. 351 p. (In Russ.)
5. Lukomskiy, V. K., Tipol't, N. A. Russian heraldry. Moscow, 1996. 97 p. (In Russ.)
6. Martynova, M. V. Moscow enamel between the XV and the XVII centuries: Catalogue. Moscow, 2001. 304 p. (In Russ.)
7. Pchelov, E. V. Bestiary of the Tsardom of Moscow: animals in the emblems of Moscow Russia between the late XV and the XVII centuries. Moscow, 2011. 204 p. (In Russ.)
8. Pchelov, E. V. The history of the territorial title of Russian sovereigns from the mid-XV to the mid-XVI centuries. *Issues of diplomacy, codicology and archaeography of official records: Proceedings of the XXIV international research conference*. Moscow, 2012. P. 81–90. (In Russ.)
9. Pchelov, E. V. Scandinavian heraldry in Russian territorial symbols of the XVI–XVII centuries. *Supporting historical disciplines within the framework of humanitarian knowledge: Proceedings of the XXI international research conference*. Moscow, 2009. P. 300–303. (In Russ.)
10. Semyonov, O. V. Establishing the time when Perm the Great became a part of the Moscow state. *Izvestia of Ural State University*. 2004;31:34–45. (In Russ.)
11. Skrynnikov, R. G. Yermak's expedition to Siberia. Novosibirsk, 1982. 256 p. (In Russ.)
12. Khoroshkevich, A. L. Coat of arms. *Russia's coat of arms and flag. X–XX centuries*. Moscow, 1997. P. 16–376. (In Russ.)
13. Lind, J. Ivan IV's Great State Seal and his use of some heraldic symbols during the Livonian War. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 33. München, 1985. P. 481–494.
14. Stöckl, G. Testament und Siegel Ivans IV. Westdeutscher Verlag Opladen, 1972. 87 s.

Received: 24 May, 2021; accepted: 26 July, 2021